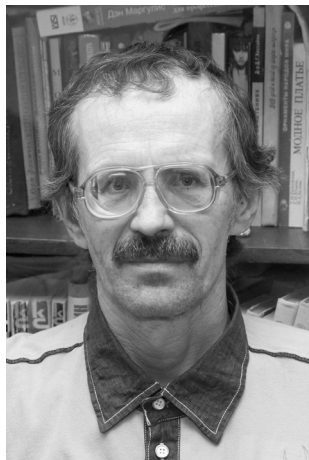

Клуб рассказчиков

Андрей ПОДИСТОВ

СОЛНЕЧНЫЙ КОТ

Я сплю и во сне проснулся, потому что пришёл Рыжий. Он действительно рыжий или, точнее, палевый, эта рыжина покрывальцем наброшена на него сверху, а живот и лапы белые. У него смешной розовый нос и розовые младенческие подушечки на лапах. Он играет со мной в постели, тёплой и солнечной потому, что на неё сквозь бахрому тюля на окне прорвались первые солнечные лучи.

Рыжий переворачивается на спину и катается с боку на бок под моей рукой, подставляя нежно-голый живот. Тот нежен и незащищен – его недавно обрили для УЗИ.

Рыжий играет со мной, как котёнок, с которым мы не наигрались до этого за всю жизнь.

Тебя ведь уже нет, Рыжий...

Чьи-то голоса. Кто-то забирает его у меня, но он вырывается, прыгает обратно на диван и тут же ныряет под мою ладонь. Я лежу на правом боку, он щурит на меня жёлтый глаз с лёгкой, кажется, хитринкой: я сбежал к тебе, хозяин, я хочу быть с тобой, а не там...

Где твоя былая независимость и кошачья гордость, Рыжий? Ты сейчас похож на верную собаку, которая больше любит хозяина, а не дом, в котором живёт...

Это сон, я знаю это, хотя понимаю не сразу. Мне не хочется просыпаться, чтобы кот ещё побыл со мной. Текут слёзы. Ему ведь тоже этого хочется. Уже только во сне...

Всё в квартире напоминает о Рыжем. Открываешь дверь – и никто не идёт встречать тебя, включая в свой обычный ритуальный круг в прихожей. Умываешься в ванной и чувствуешь: под раковиной, под правой ногой, непривычно пусто – здесь стояла его ванночка. И в кухне глаза сразу отмечают недостачу: нет миски и розетки с водой возле холодильника.

В квартире его нет, и как будто он есть...

Кажется, вот-вот он выползет откуда-нибудь, заспанный, щурящийся, и запрыгнет к тебе на колени.

Как будто стёрли фантастическим

ластиком все любимые кошачьи места в интерьере. В большой комнате нет «гнезда» с его красно-белым детским шерстяным одеяльцем под журнальным столиком, на котором стоит компьютер. Убрана со сломанного компьютерного кресла возле окна его любимая старая чёрная шуба.

Не уляжется он больше ко мне на подушку возле головы, приобняв лапой, когда я лежу на спине, не уткнётся трогательно лоб в лоб, когда поворачиваюсь к нему лицом – так котята утыкаются в тёплый живот мамы, когда им хорошо. Даже взрослые коты неосознанно помнят об этом. Помнил и Рыжий. Хотя и был когда-то беспризорником и непонятно, как у него там было с мамой...

Мне трудно писать о тебе, кот, мы привязались к тебе, как к человеку. Почти четырнадцать лет ты был членом нашей семьи и до сих пор ещё жив для меня. Вот, пришёл ко мне во сне, будто живой...

Как сумеешь написать про тебя, запечатлеть тебя таким, каким мы тебя знали?

Жаль, что вы, тварюшки, кажется, уходите насовсем – для вас нет вечной жизни и кошачьего рая. Вы, коты, уже в этой жизни переживаете и кошачий рай и кошачий ад – кому как повезёт. А я хотел бы, чтобы ты жил с нами и в вечности. До слёз жаль, что ты приходишь ко мне из моей памяти, ещё не потеряв тебя, а не оттуда, где коты живут даже после смерти и ждут своих любимых хозяев. Правда, меня бы тогда ждал там не один ты, Рыжик... просто другие были давно... а ты, кажется, ещё рядом: стоит только протянуть руку – и ты здесь, живой, тёплый, ласковый. Кажется, вот-вот заведёшь свою любимую песенку, когда просишь есть, которую мало кто из котов умел петь так музыкально, как ты...

Рыжего подобрали на тропинке в дачном лесу жена и дочка. Шли глубокой осенью на остановку, и он бросился к ним, как к родным, жалобно, но требовательно мяукая. Грязный, тощий, отчаявшийся. Наверно, так он уже просился и к другим, судя по хриплому голоску. Что с ним произошло, кто его бросил, или сам он потерялся – можно только гадать. Скорее всего, завели практичные люди котёнка для дачи, чтобы пугал своим присутствием мышей

да развлекал ребятшек, а как кончился огородный сезон, не забрали с собой в город. А может, он уже с детства был бездомным и ловил мышек да перебивался подачками. Ведь от людей он не бегал, наоборот. Значит, ещё не понял, что страшнее человека зверя нет... Или чувствовал, что сам не прокормится, что холода на носу, и инстинкт самосохранения гнал его на тропинку – искать пропитание, а если повезёт, то и хозяев.

Рыжему повезло – женские сердца дрогнули. Котика, почти котёнка, которому было тогда четыре-пять месяцев, сунули в хозяйственную сумку и привезли в будущий дом. Забавно, но теперь он уже вырывался, сразу обозначив свой гордый нрав.

Дома беспризорника накормили молоком, хлебом, колбасой – всем, что попало под руку в холодильнике неопытным кошачникам. Как котик это съел, бедный... Оголодал, конечно. Потом у него всё полезло обратно, почему-то с пеной. Жена испугалась – вдруг он больной – и повезла его в ветеринарную клинику. Врач успокоил: это просто от того, что долго не ел, резко начала выделяться слюна...

Потом Рыжего мыли в тазу и выяснили, какого он цвета, и кот не сопротивлялся от растерянности и такого внимания к своей персоне, – потом в жизни ни разу он не дал этого сделать, вылизывался сам. Не сразу поверил, что его будут здесь кормить, на «кис-кис» не отзывался, в миску его приходилось тыкать носом – в общем, настоящая дикая тварь из дикого дачного леса...

К моему приезду из очередной газетной командировки найдёныш был уже чисто-светло-рыжий и с «оригинальным» именем Рыжик, которое дала ему шестилетняя дочка. Другие имена были ещё «оригинальнее» – Черныш и Снежок. Это хоть соответствовало цвету.

По семейному преданию, Рыжик три дня и три ночи непрерывно мурлыкал от счастья, с перерывами на еду и сон. Оттого что его кормят, гладят, укладывают спать, оттого что все хороводятся вокруг него, как вокруг маленького рыжего солнышка.

Понятно, что после этих хороводов в его кошачьей душе разлапистым рыжим подсолнухом начало расти самомнение.

Ко времени моего появления он уже чувствовал себя маленьким хозяином большой квартиры.

То же предание утверждает, что наша первая встреча была битвой за место под квартирным солнцем, ну или, если прозаичнее, под старомодной люстрой с псевдохрустальными подвесками. На самом деле Рыжий принял меня хоть и недоверчиво, но как своего. Время от времени, правда, мы спорили – кто круче, кто хозяин в доме, махали лапами и руками, но не чересчур серьёзно...

Довольно долго кот жил как дамский угодник, предпочитая мне прекрасную половину человечества и нашей квартиры. Это задевало: я привык, что домашние питомцы меня всегда любят больше всех... А Рыжий ходил за женой, как собака, особенно в первое время. Она стала для него главной спасительницей и кормилицей. Дочку он воспринимал как человеческого детёныша, то есть равного себе, товарища по играм. Меня до некоторого времени считал за соперника, а потом у нас установились дружеские отношения.

Рыжий стал совершенно домашним котом и не рвался на улицу, помня, как там не сладко...

Каждое утро он обходил нашу двухкомнатную квартиру, как лев – свои владения, важно, с неторопливым достоинством, везде тёрся – обозначал свои права на домашние уголья.

Заключительным этапом этого ритуала было демонстративное напоминание о себе мяуканьем, вначале тихим и музыкальным, потом требовательным и довольно противным. Когда это не помогало нам понять, что кошачье солнце встало, пора вставать и нам, – Рыжий кусал жену за ногу, если та была в пределах досягаемости, или отправлялся в ванную, вроде по малой надобности, где самозабвенно гонял по полу ванночку и скрёб лапой кафельную плитку. Разумеется, пока кто-нибудь из нас не вставал и не споласкивал кошачий туалет. Котик был редкостный чистюля – и ни за что не ходил в него всерьёз, пока мы не споласкивали его после первого разочка. Потом процесс повторялся... Надо ли говорить, что это входило в набор воспитательных средств для непонятливых хозяев: кормите меня по утрам как можно раньше – и будет вам счастье! Крайним средством пробуждения нас было демонст-

ративно сходить где-нибудь в неположенное место, особенно на нашу обувь или чью-нибудь сумку. Вскоре, наученные горьким опытом, мы научились не оставлять их на полу, а убирали на обувную полку и прочие возвышенности.

До сих пор помню, как однажды сидел на редакционной планёрке в пахнущих Рыжим туфлях и делал вид, что я здесь ни при чём...

Конечно, было бы проще скорее накормить прожорливое животное, чем заговаривать с ним местные пунические войны. Но наши интересы расходились в том, что коту хотелось есть, а нам хотелось спать. Встанешь – разгонишь сон, как предутренний туман...

В конце концов, время утренней кормёжки с пяти-шести часов мы сумели сдвинуть к семи. До этого Рыжий или спал вполглаза у нас в ногах, или сидел возле стены между кухней и ванной – караулил, вдруг повезёт и кто-нибудь нечаянно встанет... Прохаживался возле нашего разложенного дивана, зыркал в нашу сторону со значением, но голоса не подавал. Иногда я просыпался оттого, что он, потеряв терпение, медленно и бесшумно крался по постели, становится передними лапами жене на грудь и смотрел на неё долгим гипнотизирующим взглядом. Часто он нюхал наши лица: а не ели ли мы чего-нибудь ночью под одеялом? Потом он полюбил спать у меня на подушке (я обычно вставал раньше) – чтобы ещё лучше сторожить наше пробуждение.

Да, рассказать про нашего Рыжего сложно. Четырнадцать лет – это много. Он был такой разный, так менялся с возрастом...

Про него можно вспомнить разные истории: как он разговаривал с сорокой, как однажды вывалился на улицу из форточки и три дня скитался по подвалам, прятался от всех, пока мы его не нашли... Но это всё внешнее.

Самое главное, каким он был, как себя вёл, как общался с нами.

На него можно было просто смотреть и получать от этого удовольствие, какого не получишь ни от какого телевизора.

Он был красив в каждом движении, в каждом выражении морды, глаз – на него можно было любоваться как на совершенное творение Всевышнего.

Когда он шёл, ты воочию понимал, что такое кошачья грация.

Когда он прыгал «погулять на фор-

точку» в кухне в два приёма – на подоконник и выше, подбадривая себя голосом – можно было поразиться его прыгучести и потрясающей координации.

Когда он, хорошо поев или поспав, садился или возлегал (именно – возлегал) где-нибудь рядом с нами – в позе его чудесным образом проступало нечто царственное. Царёк домашних зверей, говорили мы тогда про него. Или – свинкс, когда были им не очень довольны. Оттенки душевных состояний читались на его обаятельной физиономии в прищуре глаз, в малейших мимических движениях, звучали в музыкальных рудадах, которые он выдавал, разговаривая с нами. Эмоции его выражал даже кончик хвоста.

Когда он дрых без задних лап, чаще всего свернувшись клубком на своих любимых местах или у кого-нибудь на коленях, при одном только взгляде на его сонное блаженство становилось завидно и тепло на душе.

Рыжий был красив всегда в своей природной естественности.

День его заканчивался вечерним ритуалом: когда он приходил к нам с женой на постель и самозабвенно когтил чей-нибудь живот. Это называлось «массажист пришёл». Выражение кошачьего довольства светилось на его мохнатой физиономии.

– Ну и морда у тебя, Шарпов! – говорила жена.

Потом кот укладывался спать, чаще всего в ногах, а ночью перебирался на чью-нибудь подушку.

Однажды я увидел его сидящим на окне в дочкиной комнате, когда его освещало солнце, и он весь от ушей до хвоста светился золотым сиянием...

«Солнечный кот», – пришло мне тогда в голову.

Там всегда тепло. Там не нужно заботиться о пище. Там нет никаких опасностей...

Иногда только Рыжий терял «лицо» (морду) – когда ему хотелось кушать. Тогда он проявлял беспокойство, суетливость и неприличную страсть. Слушал напряжённым ухом – не звякнут ли его рыбной каструлькой, собираясь варить путассу или минтай; смотрел зорким глазом – не идут ли хозяйева на кухню; тянул воздух чутким носом – не чувствуется ли вожделенных запахов приготовления пищи? Когда ожидания

сбывались, он ходил за нами и пел, как кошачий Карузо, как бы поторапливая, а то и просто неприлично орал, если сильно проголодался. С беспокойством постоянно проверял свою любимую зелёную пластмассовую тарелку, подозрительно прожевал взглядом такую же – парную, если мы брали её с сушилки для своих нужд.

Да что уж там: одна из главных жизненных радостей кота – хорошо и вкусно покушать...

Эти его радости были просты: поесть, поспать, получить свою порцию ласки, поиграть (когда он был помоложе), погреться на солнышке, «погулять» на форточке или на балконе, не выходя на улицу (когда стал постарше). Как немного коту нужно для счастья! Нам бы так.

С возрастом Рыжий становился всё умнее, и, я бы сказал, интеллигентнее: постепенно ушли его уличные привычки, первоначальная диковатость.

С ним можно было даже вполне осмысленно общаться, разговаривать. Кот знал важные для него слова «кушать», «рыба» и тут же реагировал на них, подходил, заглядывал в глаза, просил с определёнными интонациями. Стоило приблизиться к нему, спящему, и, не утерпев, погладить, как он поднимал запрокинутую морду и коротко мяукал с вопросительной интонацией: «Что?» Слушал все дочкины сказки на ночь и наши разговоры. Стоило нам собраться всем троим на кухне, или на диване в зале, или у дочки в комнате, как он тут же появлялся, интересуясь по-кошачьи: «Ребята, а что это вы здесь без меня делаете?» И укладывался между нами. Или на меня, но так чтобы можно было ещё положить на жену лапу... «Лапал», – говорили мы. Собственник!

Они выросли вместе с дочкой, потом он перегнал её, а потом стал взрослее всех нас, таким кошачьим дедушкой. В последние год-два он вообще был спокойным, терпеливым, ласковым и любил нас, по-моему, уже не меньше, чем себя, что для традиционного кошачьего эгоизма удивительно.

Уже не дрался со мной, даже шутя. Если я приставал к нему, он давал понять, что ему не хочется больше воевать. Вместо того чтобы бросаться на мою руку, как раньше, когда мы соревновались, кто быстрее, он предупреждающе мяукал и утыкался в неё лбом, показывая: «Давай жить мирно, хозя-

ин! К чему нам молодая игра честолоубий?» После этого надо было отступить. Казалось, что он стал мудрее всех нас вместе взятых. Что он очеловечился. Некоторые люди в течение жизни становятся похожими на животных, а он, было такое ощущение, становился всё больше похожим на человека. Конечно, всё это мы накручиваем себе: приписываем домашним питомцам какие-то человеческие мотивы – распространённая ошибка, но что-то было в нём, было...

Там никто не обидит тебя, не скажет злого слова... Там забывается всё плохое и даже хорошее – потому что там лучше, чем где бы то ни было...

Мы сердились на Рыжего, что он, несмотря на всю свою приобретённую воспитанность, ходит куда не надо, метит углы... Временами он ходил и «ругался» без видимых причин. Думали, это из-за того, что, пожалев, его не лишили мужского достоинства... Что он так требует подругу, пищи, или внимания... Это было единственным, что раздражало, но с чем мы смирились и терпеливо сносили; иногда только я наказывал его – тыкал розовым носом в следы «преступлений» да шикал на него, чтобы он перестал нарушать тишину, и грозил тапком.

В общем, Рыжий прожил достаточно счастливую и безмятежную жизнь, особенно если учесть, как плохо она для него началась.

Много радости принёс он и нам. Я бы сказал – такой солнечной радости, какую дарит нам солнечный свет и тепло, которых мы и не замечаем подчас, просто потому что привыкли к тому, что они есть и забываем, что это чудо.

Жизнь там спокойная и размеренная. Там как будто в самом воздухе разлита радость, которую ты впитываешь, которой ты дышишь. Ты живёшь там, как в золотом облаке любви...

Только последняя страница книги его кошачьей жизни была печальной.

Мы оказались нерадивыми хозяевами. Вот о чём хотел сказать нам Рыжий на своём кошачьем знаковом языке! Простодушная тварюшка... «Сделайте что-нибудь! – говорил он нам. – У меня что-то не в порядке, болит...» А

мы не понимали, думали, он капризничает, и сердились на него.

Надо сказать, всю жизнь Рыжий был рыбоедом и мясоедом, не ел ничего прочего, и питание его было однообразным долгие годы. Мы пробовали приучать его, например, к кашам – он не поддавался: или гордо голодал и «наказывал» нас, или выедал все мясные кусочки и каша превращалась в своеобразное «сито». Он победил в борьбе с навязываемым вегетарианством...

Возможно, это одна из причин, из-за чего у него образовалась почечная недостаточность. А ещё это возрастное – так сказал врач, когда мы наконец-то решили свозить Рыжего в ветклинику после того, как у него стал пропадать аппетит и его начало рвать.

Поздно спохватились, но прошли всё, что надо: анализы, УЗИ, продержали его месяц на лекарствах... Он стал чувствовать себя лучше, а потом рецидив – и стало ещё хуже. Подробности тяжелы и необязательны. Опять лекарства, уколы, капельницы, вегетарианская диета, которую он, как уважающий себя представитель рода кошачьих, отвергал...

Мучительны были для него, боящегося улицы, и поездки в ветклинику в приобретённой для этого пластиковой переноске... Он не хотел туда лезть, а в дороге обречённо и монотонно жаловался. В клинике Рыжий терпеливо сносил всё, что с ним делали, там его будто парализовывало и он даже не пробовал удрать, а мы в три голоса – я, жена и врач – успокаивали, что всё будет хорошо.

Потом, чтобы исключить неприятные поездки, мы сами ставили ему уколы и капельницы; я держал его, а жена колала.

Последнюю неделю Рыжий почти не ел и держался на растворах, которые очищали кровь, выводя токсины, и на глюкозе. Все дорогие растительные корма он игнорировал. Мы боролись за его аппетит и жизнь, но всё уже было бесполезно...

Рыжий искал укромные места и отсиживался там. Я знал – это один из симптомов ухода – прятаться подальше от людей. Мы не трогали его до времени очередной лечебной экзекуции, после которой кот искал другое убежище, где мы его опять находили...

Наконец семейным советом мы ре-

шили прекратить жестокие прятки и насильственное лечение.

После этого кот лежал уже на виду, но к нам не рвался. Время от времени он ходил в туалет и попить. Один только раз мы «купили» его на свежеваренную камбалу и он не устоял и поел немного...

Мы позвонили в ветклинику и спросили, что делать. Нам предложили сделать укол. Последний.

– Ест он у вас с удовольствием? Нет! – сказала врач. – Идёт к вам ласкаться? Нет! Вот видите: нет больше радостей у кота. Так зачем его держать на этом свете? Зачем мучить? Укол – и всё.

Но мы не смогли, держали это на крайний случай, если будут боли...

Это было лучше, что мы оставили его в покое.

Пару дней исхудавший Рыжий лежал в своём «гнезде» и то дремал, то устало-равнодушно смотрел, как мы суедемся вокруг по своим делам. Он то ли думал свою последнюю кошачью думу, то ли терпеливо ждал конца...

Там сбываются мечты. Там чудо – это нормальная форма существования. Иногда только искорками воспоминания – благодарность о какой-то прежней жизни, которая постепенно забывается, как короткий сон в бесконечной череде прекрасной вечности, а помнятся оттуда только родные и близкие лица...

И ожидание встречи...

Прощаться кот пришёл ко мне. Я как чувствовал, бросил в последнюю ночь на полу рядом с ним спальник (у него уже не было сил и желания запрыгивать на диван) и так спал, ловя каждое его движение. На жену, которая из кормилицы в последнее время превратилась в источник боли, Рыжий как будто затаил обиду. Дочка была полна сво-

ими школьными заботами – выпускной класс...

Мы пролежали с обессиленным котом голова к голове до самого моего подъёма на работу. Глаза его были открыты: он не спал и неотрывно смотрел на меня.

Через пару часов после того, как я пришёл в редакцию, позвонила жена:

– Рыжий ушёл. Быстро, почти не мучился. Хорошо, что вы попрощались. Мы с ним тоже простились...

Все знают, что бывают солнечные зайцы, хотя никто их не видел. А ещё бывают солнечные коты... Один такой жил у нас. Сейчас он живёт в кошачьем раю, которого не было, но я его придумал. В нём живут коты, души которых стали вечными, и ждут там, за чертой, своих любимых хозяев.

Рыжий приходит ко мне оттуда в предутреннем сне с первыми лучами солнца, когда соскучится. Правда, всё реже: теперь там у него есть солнечная кошечка и солнечные котята. Откуда я об этом знаю? Однажды он появился со всем своим солнечным семейством и с гордостью мне его продемонстрировал. Кошечка была белая и интеллигентная. Котята – как маленькие светящиеся клубочки шерсти: рыжие, белые, рыже-белые – скакали, боролись на моей половине постели, залитой утренним солнцем, а папаша и мамаша умиротворённо на них смотрели. Время от времени взглядывали и на меня: кошечка застенчиво, Рыжий довольно – вот, мол, хозяин, теперь я отец семейства...

Зашевелилась во сне жена, открыла глаза, изумление засверкало в них солнечными бликами...

– Это мне снится? – обеспокоенно спросила она.

За меня ответил Рыжий. Он подошёл к ней и потёрся головой о её руки.